

АЛТАЙ-МОНГОЛИЯ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Изучение наскальных изображений Алтая и Монголии продолжается уже более ста лет, но даже и сегодня ни один исследователь не может с полной уверенностью назвать точное число петроглифических памятников на территории этих стран.

О петроглифах Алтая эпизодически упоминается, как в солидных трудах известных ученых (Потанин Г.Н., 1881; Ядринцев Н.М., 1883; Радлов В.В., 1989; Адрианов А.В., 1886, 1916; Сапожников В.В., 1911; и др.), так и в публикациях краеведов и собирателей древностей (Брещинский М.А., 1881; Зайцев А.М., 1906; Гуляев Н., 1916; Верещагин В., 1927; и мн. др.). При этом внимание ученых и любителей древностей, в большей мере привлекали, хорошо заметные на местности, грандиозные сооружения типа керексуров или монументальные памятники - оленные камни и тюркские изваяния. Наскальные изображения практически не фиксировались на картах и схемах маршрутов, а редкие рисунки, воспроизведенные в публикациях, отличались схематизмом и неточными копиями. Исследования на алтайских "писаницах" часто заключались только "в беглом осмотре встречавшихся на пути памятников и в собирании о них сведений там, где не пришлось самому быть" (Адрианов А.В., 1916, с.4). Возможно, это было связано с огромным числом рисунков в алтайских горах, а также с заниженной оценкой петроглифов как полноценного исторического источника по древним культурам Центральной Азии.

Многие исследователи азиатских древностей отмечали однообразие и примитивность наскальных рисунков. Но ещё в начале XIX века, Г.И.Спасский призывал к более глубокому осмыслению содержания петроглифов и к определению времени создания алтайских "писаниц". По его мнению, наскальные рисунки являлись важнейшим историческим источником, отражающим первоначальный этап становления древнейшего искусства (Спасский Г.И., 1818, с.5). Сибирский ученый разработал первую методику копирования наскальных изображений и опубликовал ряд рекомендаций по изучению петроглифов (Спасский Г.И., 1825, с.300). Впервые, со всей серьезностью, Г.И.Спасский отнесся и к проблемам охраны древних памятников. Особенный гнев у него вызывали те, кто уничтожал на скалах древние рисунки, либо рисовал свои. Таких людей он называл "неблагоденными" (Камбалов Н., Сергеев А., 1968, с.41).

Первый алтайский художник-профессионал Г.И.Чорос-Гуркин также много времени уделял поискам и зарисовкам наскальных изображений Алтая. Его альбом рисунков и эскизов под названием "Писаницы" до сих пор хранится в Горно-Алтайском краеведческом музее, им. А.В.Анохина. Самая ранняя дата зарисовок петроглифов, представленных в альбоме, относится к 1912 г., но есть сведения об еще более ранних поездках (1902-1903 гг.) в долину Катуня, где он работал с древними рисунками скалы Кок-Кан и у деревни Каянча.

Начиная с 1960-х годов, на территории горного Алтая проводились работы по сплошному копированию петроглифов различными отрядами ИИФиФ СО АН СССР (г.Новосибирск). Первый, специально организованный петроглифический отряд работал в 1961 г. в долине р.Каракол (Онгудайский район Республики Алтай). На левом берегу, в Адыргане, Бичикту-Боме, Сары-Кобы, Шал-Кобы и Сеттерли скопированы рисунки с 300 камней (Тощакова Е.М., 1970, с.119-120). Особенно целенаправленными и результативными были исследования Алтайского отряда ИИФиФ СО АН СССР по изучению петроглифов Чуйской котловины. Вновь открытые, в 1968 году наскальные рисунки, в долинах рек Елангаша и Ак-Кола (правый приток р.Чаган-Узуна) на много лет вперед определили исследовательские планы отряда. Масштабы предстоящих работ, вряд ли тогда могли представить, стоявшие у начала этого крупного научного проекта, академик А.П.Окладников и один из первых руководителей отряда, этнограф Е.М.Тощакова. Уже первые полевые работы 1968-1969 гг. определили, что "поля камней с рисунками" протянулись на 18 км по обоим берегам р.Елангаш (Тощакова Е.М., 1970, с.119). Итогом 11 полевых сезонов (1969-1979 гг.) стало издание пяти сводных альбомов, в

которые вошло 14 тысяч скопированных рисунков (Окладников А.П., и др. 1979; 1980; 1981; 1982; Окладников А.П., Окладникова Е.А., 1985). Несмотря на схематичность опубликованных копий рисунков Елангаша (обусловленной, устаревшей сегодня, методикой фиксирования петроглифов мелом и дальнейшим переносом на прозрачную кальку), альбомы остаются ценным источником по петроглифам Алтая и служат своеобразным каталогом-путеводителем по одному из крупнейших в Центральной Азии комплексу наскальных изображений. Мы убедились в этом, при обследовании древнего святилища с американскими, французскими, монгольскими и японскими коллегами (Кубарев В.Д., Якобсон Э., Масумото Т., 1993, с.63-68; Якобсон Э., 1993, с.26-29; Шер Я.А., Франкфор А.П., Кубарев В.Д., 1995, с.315; Кубарев В.Д., Шер Я.А., 1996, с.340; Кубарев В.Д., Якобсон Э., Цэвээндорж Д., 2000б, с.64-77). Трудно согласиться с мнением о том, что дальнейшая работа с изданными петроглифами "": дело совершенно бесперспективное" (Молодин В.И., Черемисин Д.В., 1999, с.72). К ним продолжают постоянно обращаться российские и зарубежные ученые, включая рисунки Елангаша в свои публикации.

В последние годы интерес ученых к наскальным рисункам Алтая значительно возрос. Особенно активны в поиске новых изобразительных памятников и изучении уже известных петроглифов новосибирские и кемеровские археологи. Об этом свидетельствуют десятки опубликованных статей и даже книг, изданных как в России, так и за рубежом. К сожалению наши горноалтайские коллеги мало уделяют внимания работе с петроглифами. К примеру, в коллективной монографии <История Республики Алтай>, изданной в Горно-Алтайске в 2002 году, нет никаких сведений о наскальных изображениях этой уникальной горной страны. Это досадное упущение обесценивает не только результаты наших многолетних работ, но и предаёт забвению исследования и публикации наших предшественников. У читателя может создаться впечатление, что древних рисунков на Алтае вообще нет, или, если даже где-то они и имеются, то не представляют собой никакого культурно-исторического значения или научной ценности. Но следует сказать, что этот недостаток компенсируется публикацией достаточно большого числа статей, посвященных наскальным изображениям Алтая в периодическом журнале Горно-Алтайского университета - <Древности Алтая>, - очень необходимом для археологов издании. Кстати, скромный юбилей журнала (выпущен десятый номер) совпал с десятилетием Российско-Монгольско-Американской экспедиции (1993-2002 гг.), которая проводит археологические исследования не только в Монгольском Алтае, но и на территории Республики Алтай. Почти в каждом номере вузовского журнала опубликованы наши статьи. Они посвящены не только открытию новых памятников наскального искусства на территории Республики Алтай и в соседней Монголии, но в них рассматриваются и обсуждаются проблемы датирования и культурной принадлежности петроглифов, предлагается их интерпретация и расшифровка при помощи конкретных археолого-этнографических материалов, собранных на Алтае за многие десятилетия. Однако, как представляется автору, до сих пор нет серьезных работ по периодизации и эволюции наскального искусства Алтая, в которых была бы прослежена история создания петроглифов от глубокой древности до наших дней. Такие попытки предпринимались исследователями и раньше, но только при изучении отдельных памятников (Елангаш, Калбак-Таш, Бичикту-Бом, Ча-ганка, Жалгыз-Тобе, Калгуты и др.), но в целом для петроглифов Алтая это исследование не проведено.

Наскальные рисунки Алтая всегда привлекали внимание не только ученых, но их пытались копировать и изучать краеведы, художники, любители старины, кинооператоры, туристы и просто случайные люди. Многие, давно открытые памятники, до сих пор несут на себе следы таких неумелых, иногда губительных "исследований". Проблемным остается охрана и учет памятников древне-го искусства. До сих пор нет единой карты с указанием пунктов с рисунками, хотя отдельные попытки систематизации петроглифических памятников Алтая уже предпринимались. Однако они фиксировали местонахождение их только для отдельных микрорайонов Алтая: в истоках и верховьях Иртыша, в Чуйской степи, в долинах рек Елангаша и Юстыда, Средней Катуня, плато Укок и т.д. (Адрианов А.В., 1916; Черников С.С., 1947; Хороших П.П., 1947; Ешелкин И.И., 1974; Шер Я.А., 1980; Кубарев В.Д., 1980; Окладникова Е.А., 1984; Самашев З., 1992; Молодин В.И., Черемисин Д.В., 1995; и др.). В последней опубликованной сводке о петроглифах Алтая (Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992) рассматривается история их исследования, сделан критический обзор публикаций, прилагается археологическая карта всех известных на тот день пунктов с наскальными рисунками (172 памятника) и библиографический список работ, насчитывающий 189 наименований. В ней также поставлены некоторые вопросы, связанные с периодизацией, методикой исследования и интерпретацией

памятников наскального искусства Алтая. Но накопление изобразительных материалов и открытие новых местонахождений петроглифов идет столь быстрыми темпами, что и эту сводку, вышедшую 10 лет назад уже можно считать неполной. За прошедшие несколько лет, на плато Укок, граничащим непосредственно с Монгольским Алтаем, только усилиями одной экспедиции открыто 55 пунктов с наскальными изображениями (Молодин В.И., Черемисин Д.В., 1999, с.13). Несомненно, дальнейшие изыскания на Российском Алтае выявят еще много интереснейших памятников, но уже сейчас ясно, что основной круг петроглифов на территории Российского Алтая выявлен и очерчен.

Начало изучения петроглифов в Монголии, также было предпринято российскими учеными уже более 100 лет назад. Здесь уместно сказать, что открытию памятников наскального искусства Монголии, всегда способствовали любители старины, учителя, краеведы, монахи, скотоводы, охотники - истинные хранители древних традиций и знатоки своего родного края. Многие, известные им местонахождения, получили свои специфические названия, характеризующие содержательную часть петроглифов. Так, в частности зурагт означал место с рисунками, бичигт - с надписями, морт - со следами, ямаат - с рисунками козлов, бугат - с оленями, и т.д. Ряд древних изображений почитался, что часто выражалось в сооружении около них обо, в принесении жертвоприношений и обновлении (для лучшего восприятия современниками) некоторых сцен, созвучных бытию и мировоззрению средневековых и современных кочевников.

Картографирование памятников с наскальными изображениями в Западной Монголии только начинается. В последние годы Российско-Монгольско-Американской экспедицией открыто несколько крупных местонахождений в пунктах: Цагаан-Нуур, Хар-Ямаа, Цагаан-Салаа, Бага-Ойгор, Арал-Толгой (Улаан Хус сомона), Хар-Салаа, Цагаан-Салаа, Бумбугур-Хад, Хатуугийн гол (Цэнгэл сомона), Баян-Улгийского аймака. Новые местонахождения не только по количеству изображений, но и по их качеству, разнообразию сюжетов, являются крупнейшими и выдающимися среди других памятников наскального искусства Монголии.

Особое внимание было уделено работам на огромном по площади, петроглифическом комплексе, расположенном в долинах рек Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур (49° 19' с.ш. - 88° 26' в.д., высота над уровнем моря 2400-2900 м). Две высокогорные реки берут свое начало в отрогах, пограничного с Россией, Сайлюгемского хребта, и являются северо-западными истоками Кобдо - главной реки Монгольского Алтая.

Исследования археологических памятников Монгольского Алтая весьма перспективны, так как до сих пор в ее пределах не раскопано ни одного кургана, мало изучены монументальные памятники скифской и древнетюркской эпох. Исследователей, надо полагать, впереди ждут не менее впечатляющие открытия, сделанные, например, в последние годы на Алтае и в Восточном Казахстане.

Наскальные изображения Алтая не только близки по содержанию петроглифам соседней Монголии, но в отдельных случаях даже дублируют отдельные древние сюжеты. Поэтому можно утверждать, что они взаимосвязаны и являются свидетельством прямых культурных контактов древнейших племен Алтая и Монголии.

Сведения об открытии неизвестных ранее памятников и проводившихся на них работах, содержатся в наших регулярных сообщениях и статьях: Кубарев В.Д., 1993а,б,в,г,д,е; 1994а,б,в,г; 1995а,б,в,г,д,е,ж,з; 1996а,б; 1997а,б,в,г; 1998а,б,в; 1999а,б; 2000а,б,в,г; 2001а,б,в,г,д,е,ж,з,и; 2002а,б,в,г; Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., 1995, 2000, 2002; Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э., 1997а,б,в; 1998, 1999, 2000а,б, 2001; Кубарев В.Д., Якобсон Э., Цэвээндорж Д., 1994, 1995а,б; 2000а,б; Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д., 1996, 1999а,б; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2001; Цэвээндорж Д., 1997, 1999, 2000; Цэвээндорж Д., Кубарев Г.В., 2000; Цэвээндорж Д., Кубарев В.Д., Очирхуяг Ц., 1998; Цэвээндорж Д., Очирхуяг Ц., 1997; Якобсон Э., 1993, 2000а,б; Kubarev V.D., 1998, 1999, 2001; Kubarev V.D., Zevendorz D., 1997; Tseveendorj D., 1995; Tseveendorj D., Jacobson E., Kubarev V.D., 1997; Jacobson E., 1993, 1994, 1997, 1999; Jacobson E., Kubarev V.D., 1994; Jacobson E., Meachem J., Cutting D., 1994; Jacobson E., Meachem J.E., 1998; Jacobson E., Kubarev V.D., Tseveendorj D., 1999, 2001, 2002). Результаты работ почти ежегодно докладывались на региональных конференциях, международных коллоквиумах и симпозиумах в России, Киргизии, Монголии, США, Франции, Италии, Японии и Южной Корее

Итогом десятилетних исследований на Алтае и в Монголии также являются две монографии (Kubarev V.D., Jacobson E., 1996; Jacobson E., Kubarev V.D., Tseveendorj D., 2001), изданные во Франции, в рамках международного издательского проекта <Корпус петроглифов Центральной Азии>. В последней книге предпринята попытка классификации полученных материалов визуальными и статистическими методами. Одной из первых попыток можно считать и предлагаемую в этой статье схему эволюционного развития наскального искусства монгольской части Алтая, представленную на прилагаемой таблице (рис.1). Рассмотрим её более подробно.

К неолитическим петроглифам, исследованного нами комплекса в долине р.Цагаан-Салаа, отнесена небольшая группа рисунков. Они явно выделяются новыми стилистическими признаками и необычной техникой выбивки отдельных фигур. Ее можно назвать "чешуйчатой", в отличие от широко распространенной точечной выбивки. Фигуры выбивались под углом в 30-40° и, возможно, каменным орудием, оставляющим неглубокий негативный скол от чешуекотщепов. В такой специфичной технике выполнены как отдельные изображения, так и рисунки, размещенные в небольших композициях. В неолитический пласт комплекса петроглифов Цагаан-Салаа, очевидно, можно включить рисунки, как реалистических, так и стилизованных фигур диких животных. Они нанесены на поверхность камня обычной точечной выбивкой, в контурных и силуэтных вариантах. К неолиту отнесены также несколько антропоморфных фигур, присутствующих в сценах охоты на лося и оленей. Некоторые из них выделяются среди других поздних изображений человека, схематичностью исполнения, а также характерной позой (в фасной и профильной проекциях, согнутые в коленях ноги, раскинутые в стороны руки, и др.) и первобытными орудиями для охоты: примитивный лук простой конструкции и дротики.

Необходимо сказать, что неолитические рисунки Цагаан-Салаа отличаются локальными стилистическими особенностями, да и некоторыми новыми персонажами, - от петроглифов этого же периода, в Российском Алтае. Самыми древнейшими петроглифами на Российском Алтае до сих пор, считаются рисунки в долине реки Катунь, рядом с Куюским гротом. Здесь сохранилось несколько крупных фигур оленей, выбитых на скалах, живописно нависающих над гротом. Е.А.Окладникова (1984) датировала изображения животных неолитом, опираясь на материалы, полученные из раскопок в гроте Куюс. Одновременны куюским и ранние изображения оленей Калбак-Таша, близкие им по стилю, технике исполнения и большим размерам. Например, от одного рисунка оленя сохранились фрагменты выбитых полос большой контурной фигуры, достигающей в длину 2,5-3 м. В эту группу, достаточно редких для Алтая, реалистических изображений оленей, наверное, следует включить и аналогичные петроглифы горы Курман-Тау (Кубарев В.Д., 2000а). Параметрами, определяющими время создания архаичной композиции Курман-Тау, являются: контурная техника, крупные размеры фигур, сильная патинизация и стилевое единство с древнейшими на Алтае неолитическими петроглифами. Однако, существенные коррективы в датирование этой композиции, вносят изображения быков. В наскальных рисунках Чуйской степи пока неизвестно изображений быков, подобных курмантаунским. Можно только указать на отдельные рисунки в долине реки Джазатор, Калбак-Таше и на Куюсской стеле (Кубарев В.Д., 2000а). В двух случаях, как и в Курман-Тау, изображения быков находятся в одной композиции с фигурами оленей. Они, несомненно, одновременны (конец IV - начало III тыс. до н.э.) и единокультурны. Точно такую же связь демонстрируют петроглифы плато Укок, где контурный рисунок оленя из Калгутов находится на одной плоскости с рисунком быка.

Определенное стилистическое сходство можно усмотреть между фигурой оленя из Калгутов и оленями из Курман-Тау (Кубарев В.Д., 2000а) и Арал-Толгоя (Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э., 1999; 2001), которые расположены в одном районе с калгутинскими петроглифами и датированы эпохой ранней бронзы. Тем же временем мы склонны датировать и изображения лошадей из Калгутов (Молодин В.И., Черемисин Д.В., 1999). Уникальность их явно преувеличена. Калгутинским изображениям оленей, быков и лошадей, надо искать аналогии не в Гобыстане, шишкинских наскальных рисунках или даже в петроглифах Западной Европы, а, прежде всего в наскальных рисунках Алтая и соседней Монголии, где в высокогорных зонах указанных регионов, в настоящее время известно более 60 пунктов с петроглифами. На Кокузеке, в Тархате и Елангаше имеется масса изображений, подобных калгутинским. Все они датируются не ранее III-II тыс. до н.э., как, например, открытые недавно, изображения лошадей и оленей в Кургаке (Кубарев В.Д., 2001б, табл.1). Чуйские и калгутинские изображения лошадей и оленей указывают направление движения этого образа через Сайлюгемский хребет в Китай и Монголию. Именно здесь проходил самый удобный и древний путь,

связывающий указанные регионы через легко проходимые перевалы Дер-бет-Дабан, Улан-Дабан и Канас. Поэтому вполне обычным и закономерным представляется открытие пяти крупнейших местонахождений петроглифов в Монгольском Алтае. Многие тысячи рисунков, сосредоточенные в долинах рек Хара-Яма, Цагаан-Салаа, Бага-Ойгур, Цагаан-Гол и в местности Арал-Толгой, в основном относятся к эпохе бронзы и раннему железному веку. Среди них также есть изображения быков, оленей и лошадей, стилистически близкие калгутинским рисункам Укока. Но только отдельные из них могут датироваться неолитом или энеолитом. Особенно это относится к изображениям лошадей из Арал-Толгой (Монгольский Алтай), где самая крупная фигура достигает длины 130 см (Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э., 2001, рис.2 - б).

Достаточно архаично выглядят и изображения оленей из грота Куйлю на реке Кучерле, и у оз.Музды-Булак на плато Укок. Но, не исключено, что и они могут датироваться переходным временем от неолита к эпохе бронзы, т.е. энеолитом (Молодин В.И., 1996). Так, как в них одновременно сочетаются архаичные черты: удлиненные пропорции туловища, контурная техника исполнения фигур, и новые элементы: голова оленя сплошной силуэтной выбивкой, туловище (иногда разделенное, вертикально выбитыми полосами) контурным абрисом, - изобразительные приемы, характерные для рисунков различных животных эпохи ранней бронзы.

Значительная часть наскальных изображений Монгольского Алтая датируется развитой и поздней бронзой (рис.2 - б) Это, в основном: стилизованные изображения женщин - <шаманок>, часто рядом со зверем, в позе роженицы, или в сценах совокупления; мужские фаллические фигуры, рисунки руки и стопы, личин или масок; следы человека, следы животных и птиц, чашечные углубления; колесницы, вьючные быки, оседланные верблюды, погонщики и воины, вооруженные палицами и копьями. К ним следует добавить новые, ранее малоизвестные для Монголии, синкретические образы хищных и фантастических зверей. Ряд персонажей этого периода достаточно подробно проанализирован и интерпретирован. Отдельные сюжеты напоминают сцены, запечатленные в полихромных росписях каракольской культуры Алтая (Кубарев В.Д., 1988). В целом же, рисунки Монголии, находят прямые аналогии во многих памятниках наскального искусства Алтая (Калбак-Таш, Елангаш, Чаганка, Туру-Алты и др.), наскальных рисунках Тывы (Мугур-Саргол, Орта-Саргол, Алды-Мозага, и др.), и даже в среднеазиатских петроглифах Казахстана, Киргизии и Узбекистана (Тамгалы, Саймалы-Таш, Сармыш, и др.). Вопросы хронологии, культурной принадлежности и семантики монгольских петроглифов рассматриваются на обширном историческом фоне, с привлечением изобразительных материалов и предметов, выполненных в зверином стиле и найденных в различных погребальных памятниках Центральной Азии. В книге на конкретном материале также кратко освещены проблемы и вопросы, связанные с миграциями населения в область алтайских гор, в эпоху бронзы. Для анализа и расшифровки наскальных изображений эпохи бронзы, реконструкции палеоэкономики, мировоззрения, некоторых обрядов и ритуалов привлечены данные археологии и этнографии, источники по мифологии, эпосу индоевропейских, индоиранских и тюрко-монгольских народов.

Эпоха ранних кочевников представлена в монгольско-алтайских петроглифах рисунками оленей с S-видными рогами (типичными также для оленных камней Центральной Азии), всадниками на конях, нередко показанных в сценах загонной охоты, а также многочисленными персонажами <ал-тайского звериного стиля>. В основном это козлы, кабаны, кошачьи хищники, волки, лошади и птицы. Самым значимым и определяющим признаком в рисунках ранних кочевников является характерная поза зверей. Так, в пазырыкских древностях одним из самых распространенных приемов моделировки тела копытных являлся традиционный показ животного с подогнутыми или прямыми ногами, головой вперед или назад, "перекрученным" на 180°, туловищем (Кубарев В.Д., 1999а).

Подавляющее число древнетюркских петроглифов монгольской части Алтая концентрируется, как правило, в нижних ярусах, часто у подножия горной гряды (вдоль древней тропы), либо на её седловинах - невысоких перевалах. Наиболее распространенным сюжетом являются сцены охоты, в которых запечатлены пешие охотники в характерной позе, всадники, олени и козлы. Большинство монгольских гравированных рисунков выполнено достаточно реалистично, в один прием. Они, по нашему мнению, аналогичны таким же граффити древнетюркского времени, известным на территории Российского Алтая. Так, например, сходство обнаруживается с подобными же оленями из Калбак-Таша,

имеющими древовидные рога. Кроме того, сравниваемые рисунки находятся в непосредственной близости к руническим надписям (Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д. 1996; 1999а).

До настоящего времени выделение из общего массива разновременных петроглифов изображений древнетюркской эпохи, выполненных выбивкой, во многом остается проблематичным. Тем не менее, в комплексах Цагаан-Салаа и Хар-Салаа подмечено, что все выбитые изображения древнетюркского времени образуют компактно расположенную группу, и их объединяет неглубокая (очевидно, одновременная) выбивка и слабая патинизация рисунков (Кубарев В.Д., 2001а, ж; 2002в). Основанием для отнесения некоторых петроглифов к раннему средневековью служит, на наш взгляд, их стилистическое единство и некоторые характерные детали. Это, прежде всего, гривы, выстриженные тремя зубцами на изображениях изящных породистых коней. Некоторые всадники имеют косы - традиционная прическа у народов Саяно-Алтая в древнетюркскую эпоху. Кроме того, рядом с изображением верблюда выбита тамга, напоминающая один из знаков древнетюркской рунической письменности. Наиболее распространенным сюжетом, также как и в гравюрах, является охота. Всадники всегда показаны в движении, за спиной можно различить налучье. Эти этнографические детали могут служить основанием для датировки, так как они аналогичны такой же экипировке коней, на уже известных раннесредневековых изображениях Монгольского Алтая. Отмеченные детали можно рассмотреть и на изображении всадника, выполненного на бронзовой пластине из Гоби (Волков В.В., 1965), а также в настенных росписях Пенджикента эпохи раннего средневековья (Распопова В.И., 1980), и т.д.

Древнетюркские петроглифы изученного комплекса ещё раз подтверждают то, что наряду со схематичными, геометризованными изображениями (прежде всего в технике граффито) существовала и реалистическая манера выполнения рисунков (рис.7), которая в определенном смысле продолжала традиции предшествующих эпох. Техника исполнения монгольскоалтайских средневековых петроглифов (в том числе и граффити) давала возможность предельно детализировать рисунок. Поэтому вряд ли имеет смысл делать заключение о "слабом развитии стиля в эпоху угасания традиций наскального творчества" (Черемисин Д.В., 1993). Сохраняются и некоторые наиболее значимые образы, например, - олень и всадник. Как известно, образ оленя встречается в ранне-средневековых граффити очень часто, на что исследователями уже указывалось (Елин В.Н., Соёнов В.И., 1990; Елин В.Н., 1994). Это, как правило, отдельные изображения оленя и сцены охоты на него. Повидимому, данный знаковый образ сохранял свое значение с эпохи ранних кочевников, где он являлся одним из главных персонажей, продолжая оставаться наиболее популярным изображением на протяжении многих веков, вплоть до этнографической современности.

Итак, стилистическое единство, конкретные реалии изображений (колчан, налучье, наконечники стрел, убранство коня и т.п.), степень патинизации, а в некоторых случаях, близость их к руническим надписям, позволяют отнести рассмотренные петроглифы к древнетюркской эпохе. Многие из наскальных изображений Монгольского Алтая могут служить прекрасными образцами древнетюркского искусства, и поставлены в один ряд с уникальными гравюрами Кудыргэ и граффити Калбак-Таша, Кара-Оюка и Бичикту-Бома в Российском Алтае.

Надо признать, что, весьма внушительным вкладом в древнюю историю Алтая и Монголии являются публикации уникальных образцов древнего наскального искусства, собранные в труднодоступных регионах Центральной Азии. Древние историко-культурные комплексы наскальных рисунков Алтая и Монголии по разнообразию сюжетов, художественной выразительности и научной значимости, несомненно, должны занять достойное место в ряду других изобразительных памятников мирового значения.

Данной статьей автор хотел бы вновь привлечь внимание алтайских коллег к наскальным изображениям как полноценному историческому источнику по древним культурам Центральной Азии. Потому, что и сегодня актуальным остается проблема охраны многих уникальных памятников наскального искусства Алтая, которые продолжают разрушаться и могут быть навсегда утрачены в самое ближайшее время, не только для науки, но и для наших потомков.

Литература

1. Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году // Зап. РГО. - СПб, 1886. - Т.2. - С.147-444.
2. Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая // Изв. Имп. Арх. комиссии. - Петроград, 1916. - Вып.62. - 94 с.
3. Брешинский М.А. Исследование путей в Алтайском крае // Зап. ЗСОРГО. - Омск, 1881. - Кн.III. - С.1-30.
4. Верещагин В. Очерки Алтая. - Новосибирск: Сибкрайиздат, 1927. - 91с.
5. Волков В.В. Гобийский всадник // Новое в советской археологии. - М.: Наука, 1965. - С.286-289.
6. Гуляев Н. <Писанные камни>, найденные в Уть-Каменогорском уезде Семипалатинской области в 1913 г. // Зап. ЗСОРГО. - Омск, 1916. - Т.38. - С.259-261.
7. Елин В.Н. Хронология граффити // Материалы по истории и культуре Республики Алтай. - Горно-Алтайск: ГАГУ, 1994. - С.55-57.
8. Елин В.Н, Соёнов В.И. Новые археологические памятники в зоне планируемого строительства Ка-тунской ГЭС // Археологические исследования на Катунь. - Новосибирск: Наука, 1990. - С.101-177.
9. Ешелкин И.И. О наскальных изображениях некоторых животных в горах юго-восточного Алтая // Учен. зап. ГАНИИИЯЛИ. - Горно-Алтайск: 1974. - Вып.11. - С.63-68.
10. Зайцев А.М. По верхнему и частью среднему Чарышу, его притокам и по р.Коксу, притоку Катунь // Горный журнал. - СПб, 1906. - Т.3. - С.61-97.
11. Камбалов Н., Сергеев А. Первооткрыватели и исследователи Алтая. - Барнаул, 1968. - 72 с.
12. Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). - Новосибирск: Наука, 1980. - С.69-91.
13. Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. - Новосибирск: Наука, 1988. - 173 с.
14. Кубарев В.Д., Шер Я.А. Работы Российско-Французской экспедиции на Алтае // АО 1995 года. - М.: Наука, 1996. - С.340.
15. Молодин В.И. Наскальные изображения афанасьевской культуры // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. - Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. - С.178-181.
16. Молодин В.И., Черемисин Д.В. Периодизация наскальных изображений плоскогорья Укок (Юго-Западный Алтай) // Наскальное искусство Азии. - Кемерово: КемГУ, 1995. - Вып.1. - С.24-25.
17. Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. - Новосибирск: Наука, 1999. - 160 с.
18. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы долины реки Елангаш. - Новосибирск: Наука, 1979. - 137 с.
19. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы Горного Алтая. - Новосибирск: Наука, 1980. - 140 с.
20. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы Чанкыр-Келя. - Новосибирск: Наука, 1981. - 146 с.
21. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы урочища Сары-Сатак (долина р.Елангаш). - Новосибирск: 1982. - 149 с.
22. Окладников А.П., Окладникова Е.А. Древние рисунки Кызыл-Кёля. - Новосибирск: Наука, 1985. - 147 с.
23. Окладникова Е.А. Петроглифы Средней Катунь. - Новосибирск: 1984. - 110 с.
24. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии (Результаты путешествия, исполненного в 1876-1877 годах по поручению Императорского Русского Географического Общества). - СПб, 1881. - Вып.II. - 90 с.
25. Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. - Л.: Наука, 1980. - 140 с.
26. Радлов В.В. Из Сибири (страницы дневника). - М.: Наука, 1989. - 750 с.
27. Сапожников В.В. По Алтаю. - М., 1949. - 579 с.
28. Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. - Алма-Ата: Гылым, 1992. - 288 с.
29. Спасский Г.И. О древних сибирских начертаниях и надписях. Сибирские древности // Сибирский вестник. - СПб, 1818. - Ч.I. - С.4-19.
30. Спасский Г.И. Комментарии к рецензии А. Ремюза // Азиатский вестник. - СПб, 1825. - Кн.4. - С.286-301.
31. Тошачова Е.М. Изучение петроглифов Горного Алтая // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. - 1970. - ?11. - Вып.3. - С.119-120.

32. Хороших П.П. Писаницы Алтая // КСИИМК. - М.-Л., 1947. - ?XIV. - С.26-34.
33. Черников С.С. Наскальные изображения верховий Иртыша // СА. - 1947. - Т.IX. - С.251-282.
34. Черемисин Д.В. К изучению поздних петроглифов Горного Алтая // Современные проблемы изучения петроглифов. - Кемерово: КемГУ, 1993. - С.122-133.
35. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. - М.: Наука, 1980. - 328 с.
36. Шер Я.А., Франкфор А.П., Кубарев В.Д. Обследование петроглифов Алтая // АО 1994 года. - М.: Наука, 1995. - С.315.
37. Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878 и 1880 гг. // Древности: Тр. МАО. - М., 1883. - Т.IX. - Вып.2-3. - С.181-205.

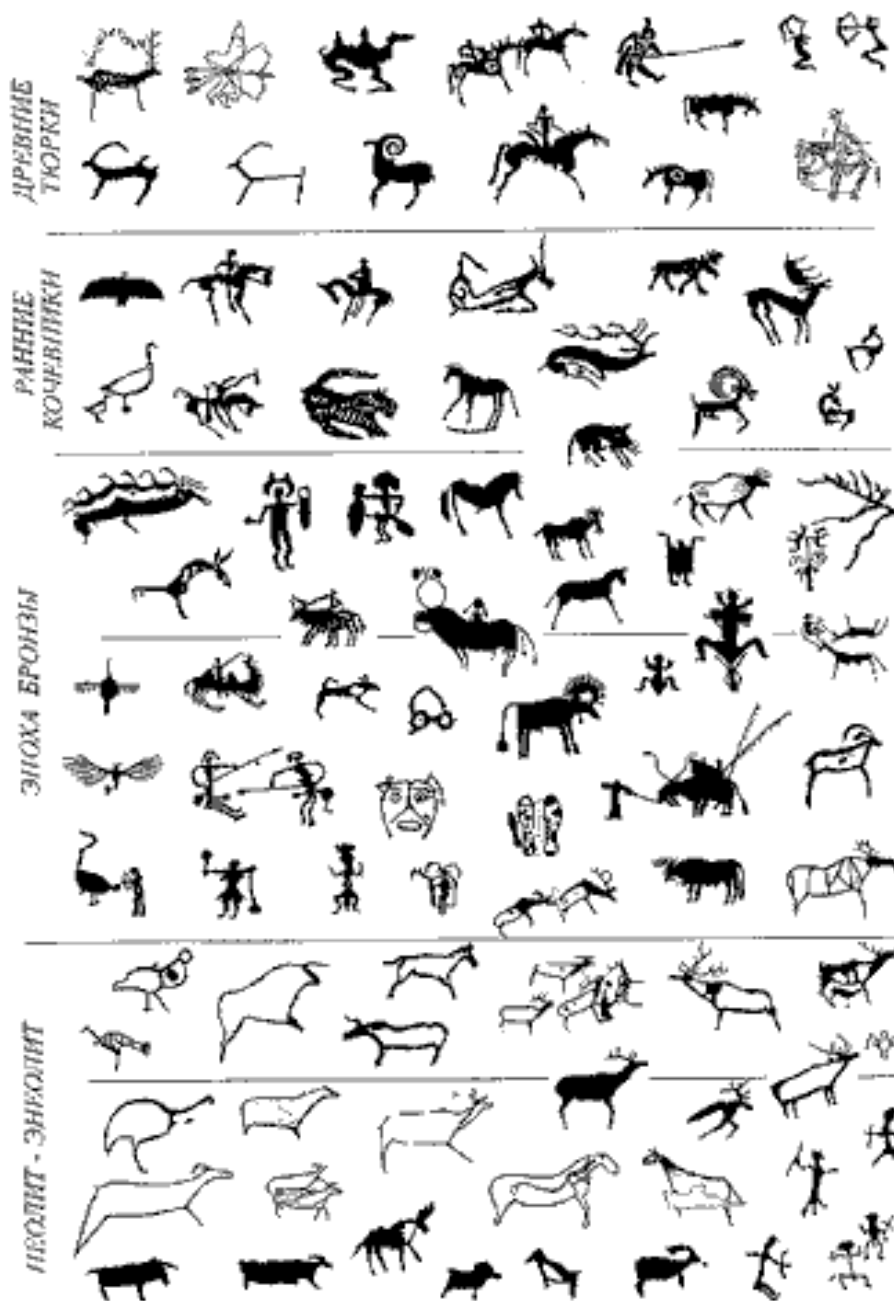

Рис.1

Fig. 2

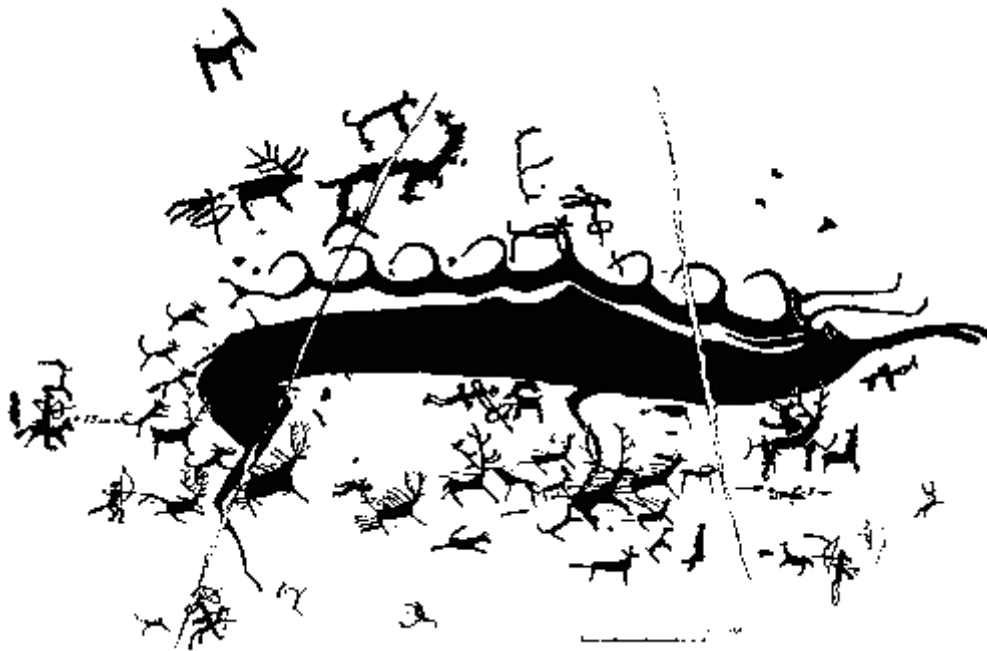

Fig. 3

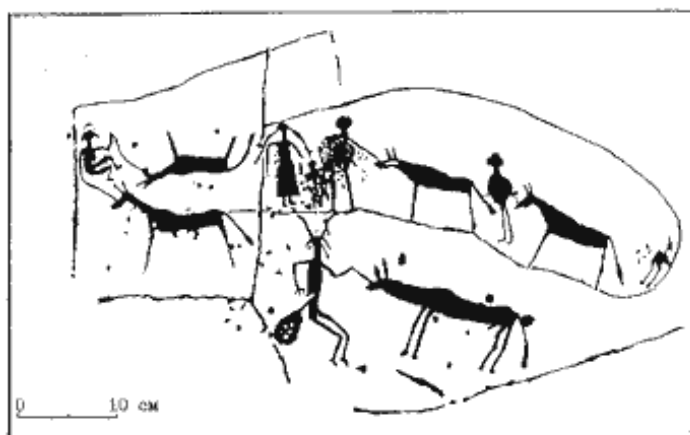
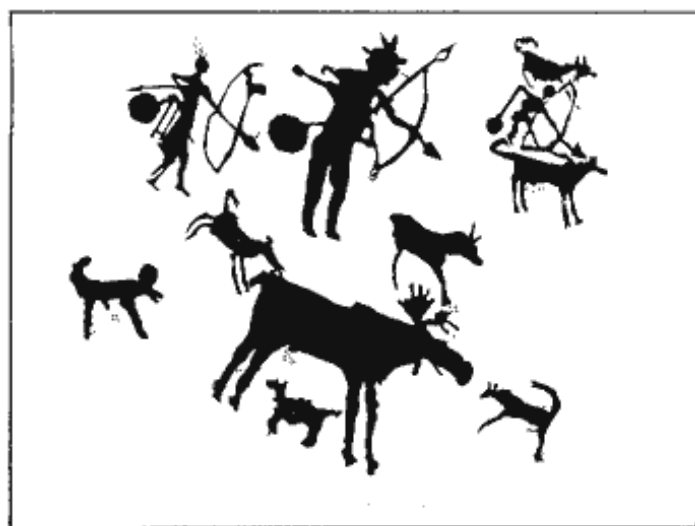

Рис.4

Рис.5

Рис.6

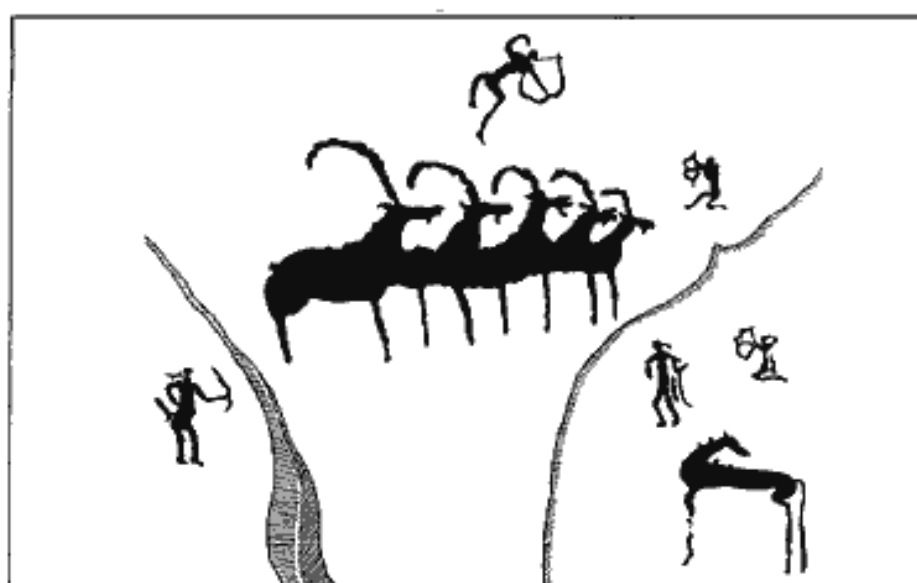

Рис.7